Творчество Бунина

«Всю жизнь суждено мнѣ **дивиться чуть не каждую минуту, ничего не понимать** и смирять себя: значитъ такъ надо».

Такъ пишетъ Бунинъ въ своихъ великолѣпныхъ «Водахъ многихъ».

Этотъ мотивъ **дивованія** снова и снова повторяется у Бунина, онъ проходитъ черезъ все его творчество; это основная нота его отношенія къ міру, его лейтмотивъ.

«Все дивно, все непонятно въ мірѣ» — пишетъ своему невѣдомому адресату героиня бунинскаго разсказа «Неизвѣстный другъ».

Въ разсказѣ «Книга» мужикъ счастливъ тѣмъ, что «живетъ на свѣтѣ, т. е. совершаетъ нѣчто **самое непонятное и дивное** въ мірѣ».

Бунинскій Арсеньевъ, въ которомъ, даже если не считать эту замѣчательную вещь автобіографіей, мы не можемъ не видѣть выраженія бунинскаго внутренняго «я», спрашиваетъ: «груститъ ли въ тишинѣ, въ глуши какой-нибудь сурокъ, жаворонокъ? Нѣтъ, они ни о чемъ не спрашиваютъ, ничему **не дивятся,** не чувствуютъ той сокровенной души, которая всегда чудится человѣческой душѣ въ мірѣ, окружающемъ ее, не знаютъ ни зова пространствъ, ни бѣга времени. А я уже тогда зналъ все это, всѣмъ этимъ тайнѣ томился».

А въ «Цикадахъ», этомъ чудесномъ по языку и магическомъ по ритму стихотвореніи въ прозѣ, уже снова самъ Бунинъ, сознавая въ себѣ эту черту дивованія», восклицаетъ: «За что же отмѣтилъ меня Богъ роковымъ знакомъ удивленія, «умствованія», такъ сугубо, что чѣмъ все растетъ и растетъ во мнѣ оно?».

Это «умствованіе» было и у Толстого, но у Бунина оно совершенно лишено Толстовскаго раціонализма, и дивованіе — болѣе подходящее для него слово.

Все творчество Бунина — о самомъ непонятномъ и дивномъ, о вѣчномъ: о жизни, о любви, о смерти. Больше всего, можетъ быть, о смерти. Страницы о смерти самое, быть можетъ, замѣчательное въ замѣчательной «Жизни Арсеньева». Тема смерти, какъ одинъ изъ основныхъ наростающихъ мотивовъ проходитъ черезъ всю первую часть «Арсеньева» — отъ безсмысленно- непонятной гибели мальчика Сеньки въ оврагѣ, черезъ подробно описанныя смерть и похороны Писарева, оставившія такой неизгладимый слѣдъ въ душѣ Арсеньева, до потрясающаго въ своей суровой прозѣ описанія панихиды по Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ. Какое разнообразіе оттѣнковъ, какая глубина разнородныхъ переживаній! И какъ въ глубинѣ эта тема смерти тѣсно сплетена съ темой жизни. Есть разрядъ людей, говоритъ Арсеньевъ у Бунина, которые «съ младенчества имѣютъ обостренное чувство смерти, и прибавляетъ: «чаще всего, въ силу столь же обостреннаго чувства жизни». У самого Бунина есть это острое чувство смерти и именно въ силу столь же остраго чувства жизни. Въ чудесномъ разсказѣ «Исходъ», Бестужевъ, недоумѣвающій передъ смертью князя, начинаетъ понимать и осознавать ее при соприкосновеніи съ обыденными, житейскими, жизненными предметами.

Источникъ бунинскаго чувства смерти отнюдь не въ пессимизмѣ, не въ мрачномъ взглядѣ на жизнь, а все въ томъ же дивованіи передъ созданіемъ Творца и въ неискоренимой тягѣ къ Творцу. Бунина часто называли пессимистомъ. Онъ самъ это обвиненіе въ пессимизмѣ отвергаетъ. Въ предисловіи къ англійскому переводу своей «Деревни» онъ характеризуетъ свое отношеніе къ міру словами 41-го псалма: «Какъ лань желаетъ къ потокамъ воды, такъ желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже». И мнѣ думается, Бунинъ правъ. Эти слова псалма могутъ великолѣпно служить эпиграфомъ ко всему его творчеству.

Не случайно, пожалуй, вершины своего творчества Бунинъ достигаетъ тамъ, гдѣ сливаются двѣ его основныя темы, гдѣ встрѣчаются двѣ самыя непонятныя и дивныя вещи въ мірѣ — любовь и смерть. Неслучайно самое совершенное, самое музыкально-цѣлостное изъ произведеній Бунина — «Митина любовь», гдѣ эти двѣ темы слиты воедино.

* * *

Бунина напрасно относятъ къ школѣ новѣйшаго русскаго реализма, онъ если когда-нибудь и принадлежалъ къ ней, то ее переросъ.

Бунину чуждъ реалистическій, детализирующій подходъ къ изображаемому извнѣ. Ему во всѣхъ его зрѣлыхъ произведеніяхъ совершенно чуждо описательство ради описательства. Его описанія тѣсно связаны съ внутренними эмоціями. Вспомните описаніе весенняго расвѣта природы въ «Митиной Любви»: какъ неразрывно оно вплетено, вработано въ психологическую канву Митиныхъ любовныхъ терзаній, какое здѣсь подлинно музыкальное единство! Если это и реализмъ, то реализмъ особенный, поэтическій, всего болѣе, быть можетъ, близкій къ Тургеневу въ его повѣстяхъ и разсказахъ.

У Бунина нѣтъ ненужныхъ, лишнихъ деталей — и это несмотря на его необыкновенную зоркость, необыкновенно острое и внимательное зрѣніе, поразительное чувство красокъ (когда о томъ же своемъ чувствѣ говоритъ Арсеньевъ, мы не можемъ не слышать за его словами голоса самого Бунина). Нѣтъ, у Бунина каждая подробность имѣетъ свою внутреннюю значимость, каждая частность соотносится съ цѣлымъ.

Въ лучшихъ вещахъ Бунина это приводитъ къ рѣдкому въ прозѣ слiянiю формы и содержанія.

Лондонъ, 27 ноября 1933 г.

Глѣбъ Струве.

Бунинъ и Россія

Разрѣшите мнѣ, прежде всего, прочесть нѣсколько выдержекъ изъ «Окаянныхъ дней» — и какъ разъ изъ того перваго отрывка этой такъ и не появившейся въ отдѣльномъ изданіи книги — Одесскаго дневника 1919 года Бунина — изъ того перваго отрывка этого дневника, который былъ напечатанъ въ первомъ номерѣ газеты «Возрожденія», 3-го іюня 1925 года, тогда выходившей подъ редакціей П. Б. Струве и при нашемъ ближайшемъ участіи.

«12 апрѣля. Уже почти три недѣли со «дня нашей погибели. Очень жалѣю, что «ничего не записывалъ — нужно было «записывать чуть ли не каждый мо- «ментъ. Но былъ совершенно не въ си- «лахъ...».

«Ночью лилъ дождь. День сѣрый, про- «хладный. Деревцо, зазеленѣвшее у насъ «водворѣ, поблѣднѣло. И весна-то ка- «кая-то окаянная! Главное — совсѣмъ «нѣтъ **чувства** весны. Въ самомъ дѣлѣ, «на что она теперь? А все-таки, если бы «Богъ далъ мнѣ хоть немного быть спо- «койнѣе, тверже, быть въ состояніи хоть «что-нибудь дѣлать! Эти два года — «сплошная погибель моя, сплошная му- «ка, боль, ярость, отчаяніе...

«Все слухи и слухи. Жизнь въ непре- «станномъ ожиданіи... И это ожиданіе че- «го-то, что вотъ-вотъ придетъ и все раз- «рѣшитъ, сплошное и неизмѣнно - на- «прасное, конечно, не пройдетъ намъ да- «ромъ, такъ или иначе изувѣчитъ наши «души, если даже мы и выживемъ. А «за всѣмъ тѣмъ, что же было бы, если «бы не было даже ожиданія, т. е. надеж- «ды?......

«Боже мой, Боже мой, въ какой вѣкъ «повелѣлъ Ты родиться мнѣ!».

* * *

Переживъ эти калѣчащіе душу, окаянные дни, — Бунинъ обрѣлъ свое **прекрасное далеко,** и какъ ни легко, какъ ни потрясающе стѣснительно бывало порою существованіе его внѣ Россіи, оторванное отъ родныхъ мѣстъ, родившихъ его, онъ отплатилъ Матери-Россіи свою сыновнюю дань любви, создавъ и написавъ здѣсь, подъ благословеннымъ небомъ Франціи, тамъ у подножья Приморскихъ Альпъ, столько вдохновенныхъ русскихъ книгъ...

Роза Іерихона.
Митина Любовь.
Солнечный ударъ.
Божье древо.
Жизнь Арсеньева.

* * *

Бунинъ — въ былые свои московскіе годы, тамъ, и тогда прежде, на своей родинѣ, и въ самомъ началѣ своего творческаго пути и въ моментъ расцвѣта своего прекраснаго таланта — въ годы раздумій надъ «Деревней» и «Суходоломъ», въ годы своего «Господина изъ Санъ-Франциска» — въ точномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что является одной изъ традиціонныхъ Пушкинскихъ чертъ великой русской литературы — бывалъ обращенъ такъ часто и къ иному, не-русскому, міру: еще въ 1898 году онъ переложилъ на русскіе стихи «Пѣснь о Гайаватѣ» — эта претворенная по-русски «индѣйская Эдда» Лонгфелло - Бунина была увѣнчана тогда Пушкинской преміей Россійской Академіи Наукъ, — и спустя десять лѣтъ были уже напечатаны его стихотворные переводы мистерій Байрона — «Каина», «Дня и ночи»... Всемірность, всеобщность, устремленіе къ всечеловѣчности — этотъ универсализмъ русской великой литературы, завѣщанный потомкамъ Пушкинымъ и на Пушкинскомъ торжествѣ провозглашенный, какъ «вѣрую», Достоевскимъ — одна изъ характерныхъ чертъ творчества и Бунина. Эту традицію русской литературы Бунинъ соблюлъ въ тѣ счастливые годы Россіи — честно и вдохновенно.

* * *

Но Бунинъ — русскій писатель, и нужно ли дивиться тому, что у него, обреченнаго теперь на жизнь внѣ родины, здѣсь, во внѣшнемъ для Россіи мірѣ, если мгновеніями въ его творчествѣ и рождается, вспыхивая, интересъ къ чужой жизни, то это бываетъ именно лишь мгновеніями: когда теперь мы окидываемъ взоромъ все то, что написалъ Бунинъ за эти послѣдніе годы — тамъ, у Приморскихъ Альпъ, или здѣсь, въ Парижѣ — передъ нами возстаетъ не забываемая и чудесная картина именно Россіи, нашей русской жизни. На фонѣ русскихъ разговоровъ, русскаго пейзажа городовъ и деревень, русской музыки и пѣсни — Бунинъ размышляетъ на вѣчныя глубинныя темы человѣческаго бытія, и русскій характеръ даетъ ему тотъ матеріалъ, работая надъ которымъ, онъ раскрываетъ тайны сложнѣйшихъ психологическихъ узоровъ — проблемъ человѣческой психологіи. «Роза Іерихона» — животворящій, плодоносный символъ, осѣняетъ все творчество Бунина въ наши внѣ-россійскіе, не-русскіе годы. Въ наше русское разсѣяніе по-міру, онъ, какъ завѣтъ, намъ всѣмъ бросилъ этотъ символъ спасительной памяти!..

«Въ знакъ вѣры въ жизнь вѣчную, въ «воскресеніе изъ мертвыхъ, клали на Во- «стокѣ въ древности Розу Іерихона въ «гробы, въ могилы...

«Ибо онъ, этотъ волчецъ, во-истину «чудесенъ. Сорванный и унесенный бла- «гочестивымъ странникомъ за тысячи «верстъ отъ своей родины, онъ многіе го- «ды можетъ лежать, сухой, сѣрый, мерт- «вый. Но будучи положенъ въ воду, онъ «начинаетъ оживать — зеленѣть, рас- «пускаться, давать мелкіе листочки и «блѣдно-розовый цвѣтъ. И бѣдное че- «ловѣческое сердце радуется, утѣшает- «ся: **нѣтъ въ мірѣ смерти, нѣтъ гибели «тому, что было, чѣмъ жилъ и дышалъ «когда-то! Нѣтъ разлуки и потерь, до- «колѣ живетъ моя душа, моя Любовь и «Память...».**

Наше бѣдное человѣческое сердце сколько разъ въ эти годы радовалось и утѣшалось, когда мы читали все новыя и новыя страницы Бунинскихъ твореній — подъ магическимъ воздѣйствіемъ его творческой воли неизмѣнно получая все новые духовные заряды той вѣры, безъ которой просто немыслимо было бы наше теперешнее, порою нечеловѣческое, существованіе. Россія! Россіи посвящено безъ остатка, безраздѣльно все творчество Бунина въ наши изгнанническіе годы. Его неоконченная «Жизнь Арсеньева» — большая симфонія русской свободной и привольной жизни, что еще совсѣмъ недавно — вотъ кажется только **вчера!** — пристойно и гармонически стройно размѣренно шла своимъ чередомъ, полнилась и расцвѣтала подъ нашимъ русскимъ небомъ. И какъ ни увѣровать теряющему порою вѣру, въ часы лишеній и моральныхъ оскорбленій, русскому человѣку, что эта Россія не можетъ погибнуть, если **русское художественное слово еще говоритъ за нее,** свидѣтельствуя о неисчерпаемомъ богатствѣ ея, духовномъ и моральномъ! Всѣ книги, всѣ писанія Бунина нашихъ ущербныхъ, гибельныхъ лѣтъ исполнены памятью о Россіи. И послѣдній сборникъ его разсказовъ — подлинный кладезь мудрой памяти о Россіи — «Божье древо»! Мы читаемъ короткія записи этихъ страницъ, и мы уже **не здѣсь, но тамъ** — мы странствуемъ, какъ бы ведомые поводыремъ Бунинымъ по дорогамъ и тропамъ нашей несчастной теперь Россіи...

«Недавно, въ прекрасный сентябрьскій «вечеръ, шелъ въ Даниловъ монастырь! «Когда подходилъ, ударилъ большой «колоколъ. Вотъ звукъ! Золотой, глу- «хой, подземный... На могилѣ Гоголя та- «инственно и грустно свѣтилъ огонекъ «неугасимой лампады и лежали свѣжіе «цвѣты. Возлѣ стояли, кланялись и кре- «стились старикъ и старушка, очень «старомодные, милые и жалкіе. Я спро- «силъ, кто это такъ хорошо содержитъ «могилу. Старичекъ отвѣтилъ: «Мона- «хи. А вы думаете, что все погибло? «Нѣтъ еще...» — затрясся и заплакалъ. «Старуха взяла его подъ руку: «Пой- «демъ, пойдемъ, ты совсѣмъ впалъ въ «дѣтство» — и повела его, плачущаго, «по дорожкѣ, къ воротамъ...»

Но мы знаемъ и другія, **утверждающія** слова Бунина. Бунинъ — ученикъ Пушкина, и переживая окаянные дни, онъ не могъ не перекликнуться съ великимъ учителемъ и не откликнуться на заклинаніе Пушкина, обращенное къ Петербургу. Бунинъ написалъ — «День памяти Петра»...

«Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія...»

О, если-бъ узы гробовыя
Хоть на единый мигъ земной
Поэтъ и Царь расторгли нынѣ!
Гдѣ Градъ Петра? И чьей рукой
Его краса, его твердыни
И алтари разорены?

Хлябь, хаосъ — царство Сатаны,
Губящаго слѣпой стихіей.
И вотъ дохнулъ онъ надъ Россіей,
Возсталъ на Божій строй и ладъ —
И скрылъ пучиной окаянной
Великій и священный градъ,
Петромъ и Пушкинымъ созданный.

И все-ж придетъ, придетъ пора
И воскресенья и дѣянья,
Прозрѣнія и покаянья.
Россія Помни же Петра..
Петръ значитъ Камень. Сынъ Господній
На Камени созиждетъ храмъ
И скажетъ: «Лишь Петру я дамъ
Владычество надъ преисподней».

Эти стихи были написаны Бунинымъ 28 января 1925 года, къ дню 200-лѣтія кончины Петра Великаго, и онъ заключилъ ими свой сборникъ «Избранныхъ стиховъ», напечатанный въ 1929 году. А за годъ до того, какъ написать эти стихи, — весной 1924 г., здѣсь, въ Парижѣ Бунинъ произнесъ замѣчательную пламенную рѣчь о миссіи русской эмиграціи. И этому предшествовала въ 1923 году Бунинская же лекція въ Сорбоннѣ, въ которой вспоминая всѣмъ извѣстныя теперь слова русскаго историка Ключевскаго о значеніи неугасимыхъ лампадъ надъ гробомъ Сергія Преподобнаго — онъ исповѣдывалъ:

— «Основы разрушены, врата закры- «ты и лампады погашены. Но безъ этихъ «лампадъ не бывать русской землѣ — **и «нельзя, преступно служить ея тьмѣ...»**

Намъ всѣмъ памятно и совсѣмъ недавнее патетическое, подернутое великой патріотической скорбью, скорбно-элегическое, но и какъ гимнъ великой прекрасной Россіи звучащее, заключеніе I-й части «Жизни Арсеньева»...

«Потомъ взглядъ мой опять останав- «ливается на трехцвѣтномъ знамени, до «половины прикрывающемъ его ноги, «его черкеску, видитъ эту окаменѣлую «руку съ зажатымъ въ ней крестомъ...

«— Образъ есмь неизрѣченныя Тво- «ея славы — ущедри созданіе Твое, Вла- «дыко, и вожделѣнное Отечество по- «даждь ми.

«И я опускаюсь на колѣни, и, сжимая «зубы, страстно плачу...».

И дальше, тамъ же, на тѣхъ же страницахъ, въ самомъ концѣ:

«Въ лицо мнѣ рѣзко бьетъ холодомъ, «надъ головой разверзается черно-во- «роненное, въ бѣлыхъ, синихъ, красныхъ «пылающихъ звѣздахъ небо. Все несет- «ся куда-то впередъ, впередъ...

Отъ имени Союза Русскихъ студентовъ во Франціи

Присужденіе Вамъ, глубокоуважаемый и дорогой Иванъ Алексѣевичъ, преміи Нобеля является не только Вашимъ личнымъ торжествомъ и праздникомъ, но также праздникомъ и торжествомъ русской литературы, русскаго искусства, русской культуры, однимъ словомъ — рускимъ праздникомъ, нашимъ праздникомъ. Вотъ почему намъ, русскимъ студентамъ, такъ необычайно радостно привѣтствовать Васъ — побѣдившаго,, Васъ — достойнѣйшаго.

Конечно, грустно, что намъ приходится чествовать Васъ внѣ родины, что въ этомъ чествованіи не можетъ принять участія вся культурная Россія. Каюсь, что эта грусть — ничто въ сравненіи съ той великой волной радости, — можетъ быть, эгоистической — которая подымается при сознаніи, что Вы — одинъ изъ насъ, изъ тѣхъ, кто подчиненію коммунистическому игу предпочелъ горькую и тяжелую долю — внѣ родины, кто терпѣливо ждетъ, надѣется и вѣритъ. Ждетъ — конца и возвращенія. Вѣритъ — въ воскресеніе, въ торжество свѣта и правды. Эти чувства смягчаютъ для насъ прозу жизни. То, что сейчасъ — временно. Значитъ, можно потерпѣть. И это чувство, и глубокая вѣра въ перемѣну, многихъ изъ насъ, «сидящихъ на чемоданахъ», лишаетъ нужнаго честолюбія и примиряетъ съ нашей непригляной и часто враждебной къ намъ дѣйствительностью. Терпѣть, ждать — конечно, это слабость! И мы рады, что одинъ изъ насъ не зарывалъ въ землю своего исключительнаго таланта, упорнымъ трудомъ продолжалъ, несмотря ни на что свой путь —и — побѣдилъ.

И мы рады, что на этотъ разъ, когда внѣшній міръ, благодаря Вамъ, вспомнилъ о нашемъ существованіи — мы, вмѣсто того, чтобы сказать: «лучше бы не вспоминали: мы — «граждане 2-го разряда»... — радостно и гордо подняли головы.

Великое спасибо Вамъ за доставленную намъ радость — за укрѣпленіе насъ въ вѣрѣ и надеждѣ!

Да послужитъ Вашъ путь примѣромъ и укрѣпленіемъ слабыхъ и уставшихъ!

Слава Вамъ, многая лѣта, — и еще разъ — великое спасибо!

А. Щитковъ.

На помощь безработнымъ

Въ мои двери постоянно стучатся безработные, прося о кровѣ и хлѣбѣ. Особенно усилилось это въ виду наступившихъ холодовъ и встрѣчаемаго ими почти повсюду отказа въ помощи. Не имѣя въ своемъ распоряженіи никакихъ средствъ, кромѣ пожертвованныхъ мнѣ на помощь студентовъ, да и то болѣе, чѣмъ въ недостаточныхъ количествахъ, я также вынужденъ отказывать безработнымъ, между которыми нерѣдко встрѣчаются люди вполнѣ достойные поддержки и дѣйствительно въ ней нуждающіеся. Очень прошу всѣхъ тѣхъ, кто желалъ бы придти на помощь своимъ наиболѣе несчастнымъ соотечественникамъ, направить ко мнѣ на это пожертвованія, адресуя ихъ: Mr. Michel Fedoroff, 79, Bld St. Michel, — Paris (5ᵉ).

Михаилъ Өедоровъ.

Смыслъ Бунинскаго торжества

Всѣмъ памятно знаменитое изреченіе Дантона. Когда ему предложили покинуть предѣлы Франціи, онъ сказалъ: «нельзя унести родину на своихъ подошвахъ». Русское зарубежье фактомъ своего существованія доказало противное. Мы здѣсь, на чужбинѣ, все же ближе къ Россіи, и мы тѣснѣе съ ней связаны, чѣмъ наши братья, оставшіеся на родной землѣ.

Нашъ «эмигрантскій» бытъ, въ убогихъ условіяхъ личной и общественной повседневности, въ которыя мы поставлены, за хребтомъ у пріютившихъ насъ націй, все же больше и лучше воплощаетъ Россію, чѣмъ искаженное нечеловѣческими страданіями и несказанной нуждой, раздавленное и развращенное коммунистическимъ гнетомъ массовое существованіе совѣтскихъ обывателей. Ибо среди насъ царитъ свободная мысль, свободное слово. Не нужно эмигрантской гордыни, но не нужно ни лож- [illegible]

[illegible] ти разсыпаннымъ, мы должны дѣлать свое національное дѣло, черпая силы въ Вѣрѣ, обрѣтая душевный покой въ мистическомъ общеніи съ нашей Родиной, въ молитвенномъ созерцаніи ея.

Задача гигантская! Посильная ли?

Мы привыкли съ острой подозрительностью и съ какимъ то, я бы сказалъ, садизмомъ недоброжелательства критиковать всякое наше эмигрантское дѣланіе. И подлинно, много есть тяжелаго, ненормальнаго и, я прямо скажу, дикаго въ нашемъ эмигрантскомъ быту. Но съ нашимъ зарубежьемъ происходитъ то же самое, что, бывало постоянно по отношенію къ Россіи въ цѣломъ. Смотримъ вокругъ себя — тоска, отчаяніе! Все убого, жалко, низменно, не глядѣли бы глаза, казалось бы, просвѣта ждать ни откуда. И все же, какой-то лавиной впередъ катится жизнь, а въ тайникахъ ея,— только стоитъ всмотрѣться — то и дѣло [illegible]

[illegible] крылся внезапно передъ нами, въ немножко бутафорскихъ громѣ и молніи «планетарной» нобелевской сенсаціи творческій путь Бунина. И предъ лицомъ этой Бунинской красоты, развѣ не погашены, не забыты, не стерты темныя пятна эмиграціонной дѣйствителности?

Я подчеркиваю: передъ нами явленіе **русскаго зарубежья.** Бунинъ, увѣнчанный нобелевской преміей, не тотъ Бунинъ, который еще въ Россіи завоевалъ себѣ славу и признаніе, не почетный академикъ Россійской Императорской Академіи Наукъ по разряду изящной словесности, не авторъ опубликованныхъ въ Россіи безподобныхъ разсказовъ и стихотвореній, и даже не авторъ столь въ свое время нашумѣвшей незабвенной «Деревни». Нѣтъ! Слава и значительность этого намъ столь дорогого и близкаго Бунина не дошла бы до сознанія и не добилась бы признанія внѣшняго міра. Увѣнчанъ Бунинъ, выросшій и созрѣвшій за предѣлами Россіи, увѣнчанъ изгнанникъ, увѣнчанъ солнечный от- [illegible]

[illegible] жденія русскаго зарубежья. Свободная отъ внѣшняго ига Россія, руками Бунина создала такой образъ исторической Россіи, которому, по художественной убѣдительности, нѣтъ равнаго въ русской литературѣ и который есть вмѣстѣ съ тѣмъ художественный гимнъ этой Россіи. И именно этотъ гимнъ исторической Россіи и удостоенъ мірового признанія, ибо увѣнчанъ Бунинъ прежде всего, какъ авторъ «Жизни Арсеньева». Въ этомъ, господа, и содержится основная значительность событія: Бунину мы обязаны тѣмъ, что міръ склонился передъ художественнымъ изображеніемъ исторической Россіи, нынѣ поверженной въ прахъ и уже какъ бы скинутой со счетовъ всѣмъ живущимъ политической жизнью человѣчествомъ. Въ тотъ моментъ, когда самое имя Россіи перестало существовать, ея прекрасный, лучезарный образъ съ потрясающей изобразительной силой, граничащей съ силой гипнотическаго внушенія, вызванъ къ жизни нами, русскимъ зарубежьемъ, [illegible]

[illegible] коммунизма на нашей родинѣ, но основнымъ содержаніемъ котораго все же является **универсальный ренессансъ принциповъ права и свободы,** тріумфъ «Жизни Арсеньева» приметъ значеніе очень существенной вѣхи.

Меня естественно спросятъ, не преувеличиваю ли я. Дѣйствительно ли есть основаніе такъ истолковывать, какъ я это дѣлаю, и творческое достиженіе Бунина, и его резонансъ, какъ въ зарубежной средѣ, такъ и особенно въ средѣ иностранной? Не есть ли это досужая стилизація, кореняцаяся въ эмигрантской впечатлительности, исполненная преувеличеній и подбитая къ тому же — скажутъ политическіе противники — политическими вожделѣніями, плохо скрытыми, но въ своемъ потаенномъ максимализмѣ явно обреченными на неудачу и на провалъ?

Господа, жизнь дѣлается не по логическимъ заданіямъ. Конечно ни Бунинъ не писалъ своей «Жизни Арсеньева» съ [illegible]

[illegible] или даже на нашей просто русской улицѣ.

Позвольте мнѣ пояснить мою мысль.

Мы переживаемъ страшное время. У всѣхъ на языкѣ кризисъ. Но правы, конечно, только тѣ, кто разсматриваютъ недугъ, поразившій міръ, не какъ мѣстный процессъ, подлежащій леченію мѣстными средствами, а какъ кризисъ культуры, кризисъ ея духовныхъ основъ, кризисъ того прекраснаго, что для русскаго сознанія издавна выражалось волнующимъ и дорогимъ словомъ: «Европа».

Кризисъ этотъ сложенъ и многообразенъ. Многообразно и сложно отношеніе къ нему и соотношеніе въ немъ разныхъ элементовъ мировой культуры. Здѣсь царитъ еще несосвѣтимый идейный сумбуръ. Та линія, которая должна будетъ подѣлить міръ на два лагеря, еще ни въ какой мѣрѣ не опредѣлилась и не пріобрѣла характера сколько нибудь ясной и четкой черты. И тѣмъ не менѣе, съ каждымъ годомъ, съ каждымъ событіемъ [illegible]

«Я кладу на себя медленное крестное знамение, глядя на все то грозное, странное, что пылает надо мною...».

***

Таковъ Бунинъ, вѣрный сынъ своей родины.

Вотъ почему мы теперь, когда Шведскіе Академики присудили ему Нобелевскую премію — такъ несказанно морально удовлетворены и духовно преображены — въ наши горестные и непреложные будни. Бунинъ не только русскій писатель и поэтъ. Онъ — писатель и поэтъ Россіи, писатель и поэтъ — о, нѣтъ, не старой только, былой — но исторически національной извѣстной Россіи, которая была и будетъ и которая есть и сейчасъ, подъ какими бы дьявольскими игомъ и рабскимъ ярмомъ ни обрѣталась бы она теперь. Бунинъ—увѣнчанный лаврами признанія (теперь уже не только русскаго) — для насъ олицетворяетъ всѣ лучшія силы Россіи, и для всего внѣшняго міра да пребудетъ онъ ея словомъ, ея мыслью, ея устремленіемъ, Россіей. Въ эти окаянные годы до сихъ поръ было у Россіи на все одно лишь несломимый представитель и защитникъ съ мировой славой — прекрасный, вдохновенный артистъ-творецъ — сфера творчества его не слово, а музыка — Рахманиновъ ..

***

Традиціи великой русской литературы — **представительство** Россіи, **представительство за нее, стояніе за нее.** Болѣе полувѣка тому назадъ И. С. Тургеневъ, тогда тоже получившій почетное: внѣшнее признаніе (съ нимъ былъ избранъ Оксфордскимъ университетомъ почетнымъ докторомъ) заѣхалъ же въ Парижѣ лостой но, достославно несъ представительство не только отъ русской литературы, но и Россіи... Въ 1878 году — за 5 лѣтъ до кончины — заѣхалъ въ Парижъ, онъ представительствовалъ Россію на межъ дународномъ литературномъ конгрессѣ, происходившемъ, если не ошибаюсь, въ театрѣ Шатэ, подъ предсѣдательствомъ Виктора Гюго (товарищемъ предсѣдателя былъ Тургеневъ). «Фактъ необыкновенный и неслыханный въ лѣтописяхъ Россіи, — отмѣтилъ тогда въ своей рѣчи Тургеневъ — **скромный писатель, не имѣющій вовсе никакого чина по нашей табели о рангахъ, имѣетъ честь говорить передъ вами отъ лица всей страны...**» А «Temps» тогда же писало объ этомъ выступленіи русскаго писателя: «Г. Тургеневъ представляетъ Россію. Его небольшая рѣчь... была единодушно привѣтствована. Г. Тургеневъ говорилъ съ большимъ благородствомъ и простотой. Это было одинъ изъ самыхъ удачныхъ моментовъ собранія...» И въ другой разъ — въ Парижѣ же — Тургеневъ отъ имени русскихъ возлагалъ вѣнокъ на гробъ скончавшагося основателя 3-ей Французской Республики — Гамбетты. А до этого на Краковскомъ торжествахъ въ честь польскаго писателя Крашевскаго было оглашено письмо Тургенева, въ которомъ онъ просилъ принять его привѣтъ, какъ «залогъ сближенія между двумя племенами: «русскій писатель, ученикъ Пушкина, заочно и Мицкевичъ запазданный кубокъ въ честь польскаго поэта, сподвижника Мицкевича».

И это было въ эпоху могущества и крѣпости Россіи, въ дни ея славы, въ дни наибольшаго успѣха Россіи въ внѣшнемъ мірѣ: не всегда въ согласіи съ официальной русской дипломатіей Тургеневъ тогда пропагандировалъ польско-русскую дружбу и закладывалъ первые камни «франко-русскаго союза»! Тургеневъ этимъ дѣлъ **внѣшнюю представительства Россіи** выпала на долю совершенно исключительная роль, и онъ воспринялъ это, какъ должное и обязательное, какъ нѣчто изъ порою эти обязанности, нимъ не возложенныя на него формально, но столь повелительно вѣрнения сму моральнаго всей культурной Россіей...

Служеніе Россіи — вотъ традиція великой русской литературы. Достоевскій и Толстой, оставаясь въ глубинахъ Россіи, не мыслили своего творчества самостоятельно и независимо существующимъ отъ судьбы своей родины, и поэтъ въ особенности голосъ Льва Толстого, раздавшійся-гудящій изъ Ясной Поляны на весь міръ, въ нужные моменты возвышался до подлинной правды и воспринимался, какъ голосъ русской совѣсти. Трагедія Гоголя была въ томъ, что онъ не нашелъ въ себѣ силы согласовать свое творчество съ служеніемъ Россіи, и онъ сломался, подточенный страшнымъ недугомъ сѣчка, по его ощущенію неоправданнаго слезами... Пушкинъ огненными словами опредѣлилъ пророческое призваніе поэта —

И обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей...

— откидная отъ себя соблазны прозвища и прихоти. Вѣдь это у Пушкина же изъ устъ импровизатора въ «Египетскихъ ночахъ» прозвучали стихи иные —

Таковъ поэтъ: какъ Ахиллесъ,
Что хочетъ, то и носитъ онъ —
Орлу подобно, онъ летаетъ,
И не спросясь ни у кого,
Какъ Дездемона избираетъ
Кумиръ для сердца своего...

Но самъ Пушкинъ, отрекаясь отъ призрачныхъ миражей не осѣненнаго имъ эстетства, бралъ на себя разрѣшеніе исполнимыхъ задачъ — созданіи «Бориса Годунова» или «Капитанскую Дочку»...

Такова традиція великой русской литературы.

Быть представителемъ и выразителемъ Россіи, представлять ее не и ея защитникомъ — безстрашно и грозно нести это высокое назначеніе — русскому писателю было нелегко и въ прежнія времена свободнаго существованія нашей родины. Тѣмъ невыѣдимѣе трудъ это теперь — въ пору величайшей моральной разрухи всего міра и въ страшные годы мученій и истязаній Россіи. Россія безмолствуетъ — какъ никогда, на протяженіи всей ея исторіи, какъ никогда ни одинъ народъ во всемъ мірѣ на протяженіи всемірной исторіи! Русскій писательскій полъ на своей розни обреченъ на то, что, какъ на искаженіе страны, на ложь, и онъ предпочитаетъ молчать, даже тогда, когда **не можетъ молчать.** Александръ Блокъ задохнулся отъ этого мужественнаго молчанія. Гумилева разстрѣляли за его мужество и прямоту. Обезсиленный Сологубъ вмѣстѣ съ сотоварищами составляетъ учебникъ злтературы и тонетъ. Съ опустошенными, съ потерпѣвшими до тла, душами Есенинъ и Маяковскій — покончили счеты съ жизнью самоубійствомъ. Нѣкоторые другіе пытались лавировать между ложью и правдой... Озинъ великій лжецъ и лицемѣръ продолжаетъ — вотъ уже сколько лѣтъ! — безпокоить говорить отъ имени, права, не Россіи, но изгнанцевъ СССРъ! Максимъ Горькій какъ разъ въ этомъ году вѣчетъ со Сталинымъ открывалъ — созданный руками бѣлыхъ рабовъ, томящихся въ ссылкѣ и осужденныхъ на каторгу лучшихъ русскихъ людей Бѣломоро-Балтійскій каналъ — страшное сооруженіе, созданное цѣною гибели милліоновъ русскихъ жизней!..

***

Иванъ Алексѣевичъ! Вы получили безпрецедентное количество привѣтствій. Всѣ мы, русскіе въ разсѣяніи, радуемся и привѣтствуемъ васъ. Но въ этомъ хорѣ привѣтствій есть привѣтствія и совсѣмъ особаго рода. Среди нихъ есть слова — живая свидѣтельства подлинна го героизма и несломимости духа. Это — тѣ краткія слова, которыя на многихъ цеподписанныхъ открытокъ, кружковъ, порою — фантастическихъ, путей, пришли къ вамъ **оттуда,** изъ нашей обезсиленной Россіи, призванной къ молчанію, обреченной на нѣмоту Россіи. Мы вѣримъ и знаемъ: эти привѣтствія — ваша величайшая отрада сегодня. И въ этомъ же и наша отрада, утѣшеніе, источникъ вѣры и надежды. Предъ лицомъ этого **привѣта оттуда** — слабы наши голоса. Но вмѣстѣ съ ними — мы восклицаемъ:

— Многая лѣта и слава Ивану Алексѣевичу Бунину и его прекрасному творчеству!

Лодзій Львовъ.

Похороны А. М. Петряева

Нашъ пишутъ изъ Белграда:

Похороны скончавшагося 7-го ноября с. г. А. М. Петряева вылились въ манифестацію братскихъ русско-сербскихъ отношеній.

Король Александръ командировалъ своего представителя, который возложилъ вѣнокъ отъ вѣнокъ. На отпѣваніи присутствовали высшіе чины министерства иностранныхъ дѣлъ во главѣ съ министромъ Б. Евтичемъ. Отъ министерства иностранныхъ дѣлъ и русскихъ сослуживцевъ по дипломатическому вѣдомству были возложены вѣнки. Всѣдѣ-ствіе тяжелой болѣзни Патріархъ Варнавъ не могъ лично присутствовать на погребеніи и отпѣваніи покойнаго, поручивъ своему представителю преосвященному Викентію, епископу Моравскому. Владыка Викентій произнесъ прочувственное слово о покойномъ и передалъ патріаршее благословеніе. Громадное впечатлѣніе оставили произнесенныя надъ гробомъ покойнаго на двухъ сербскихъ рѣчи. Генералъ отъ конвоя въ Одессѣ М. Цемовичъ и бив. секретаря сербскаго посольства въ Петербургѣ Ф. Стаиовичъ. Превосходную рѣчь надъ гробомъ произнесъ русскій сослуженецъ Петряева А. К. Вѣлевъ.

Въ этихъ рѣчахъ, произнесенныхъ съ необыкновеннымъ чувствомъ, указывалось и разъяснялось значеніе работы А. М. Петряева на благо Сербіи. Ораторы отмѣчали, что покойный дошелъ до высшихъ ступеней іерархической лѣстницы, исключительно благодаря личнымъ качествамъ. Будучи еще русскимъ представителемъ въ Мавлеонѣ, Петряевъ полюбилъ Сербію и понялъ ея жизненные интересы. Эту любовь и это пониманіе онъ пронесъ въ теченіе всей своей служебной дѣятельности и будучи членомъ Лондонской конференціи, послѣ Балканской войны, оказалъ Сербіи большія услуги. Зная имя потомъ важный постъ Управляющаго Блажневосточнымъ Отдѣломъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, онъ также дѣйствовалъ на пользу страдающей Сербіи.

Одинъ изъ ораторовъ привелъ тотъ примѣчательный фактъ, что телеграмма, съ которой сербское правительство обращалось съ острова Корфу съ просьбой о помощи, была тщательно продумана и прорепетирована А. М. Петряевымъ въ Петербургѣ съ его сербскими друзьями и уже оттуда вернулась въ качествѣ оффиціальнаго документа.

Гробъ до самой могилы провожали многочисленные друзья покойнаго. Отъ имени русскихъ присутствовавшее слово на могилѣ произнесъ вспетарь по дѣламъ русской эмиграціи В. Н. Штрандманъ.

Н. З. Р.

Въ Парижѣ

ВЕЧЕРЪ Ю. КУТЬРИНОЙ

На этихъ дняхъ, въ маломъ залѣ Гаво собралось много публики — и русскихъ, и парижанъ — на вечеръ русскаго народнаго фольклора **Ю. Кутьриной.** Русская народная поэзія, заклятія, причитанія, сказки — вотъ матеріалъ, изъ котораго эта любительница русскаго художественнаго преданія создаетъ свое своеобразное «спектаклиз. — Ю. Кутьрина не только читаетъ, но и играетъ», на сценѣ, выступая передъ публикой въ русскомъ народномъ одѣяніи.

На этомъ вечерѣ слышали мы и музыку на славянскихъ народныхъ инструментахъ — великорусскіе малорусскіе мотивы переплетались съ сербскими и югославянскими...

Съ французскими объясненіями програмъ вечера выступалъ сѣлъ. **кн. П. П. Волконскій.**

Въ живыхъ образахъ и въ устномъ словѣ Ю. Кутьрина воскрешаетъ заѣсь, на чужбинѣ, свою Россію — русскую народную душу. И въ этомъ — несомнѣнная и безспорная ея заслуга...

Иксъ.

Въ Прагѣ

16-ая ГОДОВЩИНА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ

20-го ноября въ Прагѣ состоялось торжественное засѣданіе, посвященное 16-й годовщинѣ Добровольческой Арміи. Собраніе прошло съ большимъ успѣхомъ. Рѣчи были произнесены: Предсѣдателемъ собранія Начальниковъ группы РОВС въ Прагѣ полк. Бигаевымъ, предсѣдателемъ Галлиполійскаго Земячества въ Прагѣ кап. Орловымъ, предсѣдателемъ Отдѣла Союза Петлюровцевъ въ ЧСР полк. Кузьминскимъ, предсѣдателемъ Какоть-Кампаніи въ Прагѣ дѣйст. Статскимъ совѣтникомъ, предсѣдателемъ Союза Новгородцевъ студентомъ Рѣзниковымъ, Начальникомъ Союза Участниковъ Великой войны полк. Тилло и представителемъ Начальныхъ организацій РОВС въ ЧСР ІІ. А. Скачковымъ.

ОТКРЫТІЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ГИМНАЗІИ ВЪ ПРАГѢ

18-го ноября произошло торжественное открытіе новаго прекраснаго зданія французской гимназіи въ Прагѣ. Торжество происходило подъ протекторатомъ Президента Республики.

ЧЕСТВОВАНІЕ Л. Б. ГРУНТА

Попредсѣдатель Л. Б. Грунтъ, управляющій дѣлами «Общества чеховъ и словаковъ изъ Россіи», было отмѣчено русской колоніей въ Прагѣ, путемъ устройства банкета.

Банкетъ, на которомъ предсѣдательствовалъ ген. Н. А. Хлоросовъ, прошелъ оживленно, въ дружеской атмосферѣ.

Въ числѣ произнесенныхъ спортомъ отъ дѣленіи привѣтъ участіе извѣстная пѣвица Елена де-Вошко.

25 лѣтъ тому назадъ

Начало см. на стр. 3-ей.

Тактика, тонъ и манера «украинцевъ» держаться привела къ тому, что они оказались изолированными. Уже на первомъ частномъ совѣщаніи о канализаціи въ предсѣдатели Съѣзда произошелъ непріятный разговоръ. Всталъ представитель украинцевъ и въ довольно категорической формѣ заявилъ, что предсѣдатель долженъ быть избранъ украинецъ, чтобы этимъ подкрѣпить признаніе Съѣздомъ украинскаго отдѣльной народности, а также въ виду ихъ угнетеннаго положенія. Но тогда, сейчасъ, же возникъ споръ о томъ, какъ украинцы сербы, и въ острой формѣ заявилъ, что, если двигаться ихъ линіи наименьшаго признанія, то онъ предъявляетъ свои права на постъ предсѣдателя. Раздался сѣдъ и апплодисменты. За нимъ сталъ словѣнецъ и расширилъ вопросъ. Какія основанія могутъ быть вообще для избранія предсѣдателя? Мы можемъ изобрать предсѣдателемъ лужицкаго серба, какъ представителя самой маленькой славянской народности и наиболѣе непризнаваемой (въ этомъ порядкѣ слѣдуютъ чехи — представитель былъ бы словѣнецъ, потомъ словакъ, а потомъ уже украинецъ). Или русскаго, какъ представителя самаго могущественнаго и великаго славянскаго народа, или, наконецъ, чеха, какъ хозяина, собравшись въ Прагѣ и Прага является сейчасъ славянскимъ центромъ. Настроеніе участниковъ Съѣзда было таково, что, если бы мы хотѣ въ какой либо мѣрѣ претендовали на мѣсто предсѣдателя, то русскій былъ бы избранъ, вѣроятно, подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Но мы отказались отъ предсѣдательскаго мѣста и поддержали кандидатуру чеха, не желая обострять вопроса и считая, что надлежитъ слѣдовать и тутъ общепринятому обычаю — избирать предсѣдателемъ представителя страны, гдѣ происходитъ Съѣздъ. Наше заявленіе рѣшило вопросъ, и Предсѣдателемъ былъ избранъ студентъ чехъ — Тверзицкій, молодой человѣкъ, оказавшійся очень умѣлымъ и энергичнымъ руководителемъ собраній. (Кажется, онъ былъ тогда предсѣдателемъ одного изъ студенческихъ обществъ въ Прагѣ). Но на этомъ недоразумѣнія не закончились. Слѣдующій инцидентъ возникъ изъ-за языка. Сначала предполагалось, что каждая резолюція будетъ читаться на всѣхъ славянскихъ языкахъ!.. Это было очень нейтально, но очень утомительно и долго. Кто-то послѣ перваго дня засѣданія предложилъ сократить чтеніе до 5 языковъ: русскаго, польскаго, чешскаго, сербскаго и болгарскаго. Но тутъ опять возсталъ украинецъ (кажется, какъ разъ студентъ изъ Харькова!) сейчасъ же заявилъ, что это невозможно, такъ какъ украинцы по «великорусскійски» не понимаютъ. Заявленіе это не вызвало большого восторга на Съѣздѣ, особенно послѣ того, какъ я заявилъ отъ имени русской секціи, что мы просимъ не читать резолюцій по русски, такъ какъ не боимся за претензіи русскихъ языка и не понимаемъ по украински... Въ концѣ Съѣзда мы и полякн сдѣлали попытку договориться съ украинцами и выяснить недоразумѣнія на частномъ и закрытомъ собраніи членовъ Съѣзда трехъ секцій (русской, украинской и польской). Засѣданіе состоялось по предложенію президіума Съѣзда, но изъ него ничего не вышло. Смысла довольно наивнаго заявленія, которое намъ было сдѣлано украинцами, заключался въ томъ, что съ нами они не хотятъ общенія потому, что мы сильны, а они еще слабы и потому общеніе можетъ повести къ сглаживанію противоположностей... Такимъ образомъ этимъ «противоборцамъ» являлись не выполомъ, а предполагаемой общеніе! Но почти всѣ собраніе прошло въ жаркихъ преніяхъ не между нами, а между поляками и украинцами, а мы явились лишь слушателями и свидѣтелями. Помню, какъ въ концѣ своей рѣчи одинъ полякъ, обращаясь къ намъ, сказалъ: «Вы изъ не знали, господа, но теперь вы видите, какъ «легко» съ нами имѣть дѣло... Уже послѣ Съѣзда одинъ изъ моихъ коллегъ конфиденціально мнѣ разсказалъ, что все время въ украинской секціи шла упорная борьба между непримиримыми и умѣренными и что лидеромъ большинства (непримиримыхъ) былъ студентъ-якутъ, особенно ненавистно относившійся къ Россіи, и что многимъ изъ членовъ ихъ секціи было и тяжело и стыдно!.. Совершенно иное сложилось наши отношенія съ поляками. Почва была подготовлена заранѣемъ тогда въ Прагѣ русско-польскаго студенческаго клуба или общества, гдѣ вмѣстѣ встрѣчались русскіе и поляки, окончившіе русскія средніе школы. По просьбѣ представителя польской школы (кажется, его фамилія была Шенсній) мы посѣтили ректора Карлова Университета очень любезно насъ принявшаго, и онъ имени русской секціи просили о приравненіи къ русскимъ поступленія въ чешскій Университетъ безъ экзамена, окончившихъ польскія частныя средніе школы къ окончившимъ русскія гимназіи.

Всѣ внутренніе недоразумѣнія, возникавшія на Съѣздѣ, наружу, однако, не выходили, и Съѣздъ закончился въ общемъ благополучно.

Открытіе Съѣзда происходило въ Ратушѣ и первая привѣтственная рѣчь была произнесена Городскимъ Головой. Кажется, городскимъ же самоуправленіемъ были намъ розданы чудесные альбомы съ краскахъ съ видами Праги. Дѣловыя засѣданія происходили въ ресторанахъ, изъ нихъ помню только ресторанъ Мѣщанской Бесѣды.

Всѣхъ встрѣчъ, знакомствъ, завязавшихся отношеній описать я уже не могу. Но вотъ нѣкоторыя изъ нихъ особенно запомнившіеся. Одинъ изъ участниковъ Съѣзда недурно говорилъ по-русски. Естественно, что мы чаще съ нимъ говорили и ближе сошлись. Онъ разсказалъ намъ, что онъ словакъ изъ Венгріи, что русскому языку онъ выучился самъ, читая газеты, за что многіе матерѣлся въ мадьярской школѣ. Онъ показалъ намъ Прагу въ перспективѣ между засѣданіями, а послѣ Съѣзда позвалъ насъ по Градчанамъ. Когда года черезъ три онъ пріѣхалъ корреспондентомъ одной изъ чешскихъ газетъ, въ Москву, уже мы въ водили его по Москвѣ и побывали съ нимъ и на Воробьевыхъ Горахъ. Это былъ Богданъ Павлу, чрезвычайно живой и любимецъ. Случайное и трогательное обстоятельство часто очень сближало. Словенцы попросили меня написать имъ адресъ на открытокъ, посланной имя въ Россію, одному изъ земляку, вилюору словенцу, постоянно пишущему въ ихъ газетахъ и журналахъ. Велико же было мое удивленіе, когда я увидалъ, что типу адресъ своему старому и любимому учителю, преподавателю латинскаго и греческаго языка въ калужской гимназіи Ѳ. Штитару, который готовилъ меня въ гимназію и которато я, какъ и многіе другіе, считалъ четкомъ. Но еще больше обрадовалась мои новые друзья, подробно разспрашивавшіе меня о жизни ихъ земляка. На открытокъ я приписалъ отъ себя нѣсколько словъ: «Дорогой Ѳедоръ Матвѣевичъ! Вашъ старый ученикъ пишетъ Вамъ изъ чудесной Праги, вмѣстѣ съ Вашими земляками, а по возвращеніи въ Россію непремѣнно пріѣдетъ къ Вамъ, чтобы разсказать, что онъ здѣсь ви дѣлъ и испытать и какія впечатлѣнія».

Когда мѣсяца черезъ два послѣ того я попалъ въ Калугу, то чуть ли не первый же день встрѣтилъ Ѳ. М. на у Старикъ очень обрадовался, меня. Суровый на видъ, но добрѣйшей души, онъ крѣпко взялъ меня за плечо, какъ дѣлалъ это съ съ провинившимися учениками, но ничего не могъ сказать отъ слезъ: «Ты, ты, (онъ по-прежнему говорилъ мнѣ «ты») ене забылъ»... еспасибо»... Цѣлый вечеръ разсказывалъ я ему о Прагѣ и о его молодыхъ друзьяхъ-землякахъ, которыхъ онъ самъ никогда не видѣлъ!

Когда я уѣзжалъ изъ Москвы, то мой отецъ, который послѣ войны 1877-78 г. побывалъ и въ Прагѣ, сказалъ мнѣ на прощаніе: «Ты не представленъ, что тебѣ здѣсть въ Прагѣ и только отъ ты по настоящему поймешь и увязишь, что такое Россія». Онъ же посовѣтовалъ мнѣ взять съ собой студенческую форму (мнѣніе которой не было у насъ тогда уже обязательно!) И его совѣтъ я его напутствіе, въ смыслѣ которыхъ я не вполнѣ вдумался при отъѣздѣ, и онѣ-шилъ только уже въ Прагѣ. Съ первато же дня, начиная съ встрѣчи на вокзалѣ, и почувствовалъ, что сколько бы мы отъ-ми и не разсматривали себя, какъ скромныхъ дслегатовъ одного изъ обществъ одного изъ русскихъ Университетовъ, почти всѣ относится къ намъ и говорятъ съ нами, какъ съ русскими вообще, какъ съ представителями Россіи... Это было неожиданно, очень волновало и трогало и чрезвычайно обязывало. Съ нами говорили представители печати, намъ за давали многія нелегкіе вопросы, насъ свѣдомляли, намъ говорили о любви къ Россіи... Все это вмѣщалось не столько на Съѣздѣ, сколько внѣ его. Съѣздъ, насколько я могъ понять, и могу приномнить, состоялъ въ большинствѣ изъ радикальнаго студенчества. По крайней мѣрѣ, слово «прогрессивныя», «прогрессивная молодежь», склонялись на Съѣздѣ цѣлый день. И намъ даже разсказали, что болѣе умѣренные элементы чешскаго общества относятся и къ Съѣзду и къ намъ съ частности скептически, не будучи, такъ сказать, увѣрены, что мы не собираемся потворать опыта Михаила Бакунина 1848 года.

Окончаніе см. въ слѣдующемъ номерѣ.

Н. Цурниковъ.

ЕЛКА ТУРГЕНЕВСКОЙ БИБЛІОТЕКИ

Тургеневская Общественная Библіотека устраиваетъ въ помѣщеніяхъ 25 декабря 1933 года въ залѣ гражданскихъ инженеровъ (19, ряо Бланшъ; метро «Тринитэ»).

Лишерпемелетъ — танцы — игры, — безплатная, безпроигрышная лѣсная лотерея.

Билеты — стоимостью въ 10 фр. — продаются въ Библіотекѣ и во всѣхъ русскихъ учрежденіяхъ.

шлаго. Ни одинъ мудрецъ сейчасъ не скажетъ, въ какихъ формахъ возстановится Россія и, къ сожалѣнію, ни одинъ сколько-нибудь зрячій политикъ не станетъ утверждать, что полностью уже окончился счетъ большевицкаго вандализма надъ Россіей. Одинъ Богъ знаетъ, какъ дорого еще заплатитъ Россія и на какихъ путяхъ обрѣтемъ мы свою родину. Но одно ясно уже сейчасъ. Какой бы ни была будущая Россія, монархической или республиканской, унитарной или федеративной, есть только одна путеводная звѣзда, которая можетъ насъ привести въ нее: это — благоговѣйное принятіе исторической Россіи и ясное пониманіе того, что наша задача сводится къ тому, чтобы возстановить ее — не въ смыслѣ только территоріи, а въ смыслѣ мистическаго родства съ ея духомъ, въ смыслѣ возстановленія исторической преемственности, въ смыслѣ сохраненія русскаго быта. И въ этомъ именно смыслѣ каждое русское сознаніе должно быть проникнуто горячимъ, пламеннымъ убѣжденіемъ въ томъ, что для насъ золотой вѣкъ позади, что наша задача, искать приближенія къ нашему великому прошлому. Къ великому будущему мы придемъ лишь черезъ понираніе нашего величія въ прошломъ. И когда я говорю, что творческій путь Бунина есть путь національнаго самосознанія и національно-историческаго самоутвержденія заруб ежомъ, я хочу выразить, что устами Бунина мы сказали себѣ именно это, а если и не сказали этого, то, читая Бунина, это поняли и это усвоили. Кто изъ насъ, очутившихся подъ величественнымъ куполомъ «Жизни Арсеньева», не ощутилъ благоговѣйнаго пріятія Исторической Россіи, молитвенно не склонился передъ ея величіемъ, ея красотой, ея праведностью?

Но Бунинъ не только намъ показалъ золотой вѣкъ русскаго прошлаго. Онъ показалъ его и всему міру. Та Россія, которую Бунинъ явилъ міру, есть нѣчто совершенно новое для него. Русскій духъ всѣхъ нодъ міромъ, но это не бунинскій духъ. Властвуетъ надъ умами и надъ душами не Россіи здоровая, Пушкинская, а Россія больная, экзотическая. Къ ней тянется міръ и подъ ея знакомъ хочетъ себѣ ту участь, которую испыталась Россія. Бунинъ въ свой активъ можетъ записать успѣхъ, равнаго которому не знаетъ исторія нашего общенія съ міромъ: **онъ впервые заставилъ міръ склониться передъ пушкинскимъ ликомъ русской культуры.** Онъ прорубилъ подлинное окно въ Европу, и не можетъ быть сомнѣнія, что въ этомъ смыслѣ началась новая эра. Теперь, можно думать, не такъ далеко время, когда факторами міровой литературы станутъ и «Капитанская Дочка» и лѣсковскіе «Соборяне» и Аксаковская «Семейная хроника» и лермонтовскія поэтическія молитвы. И это, конечно, не просто литературный успѣхъ. Это знаменательный духовный сдвигъ.

Пушкинская Россія! А знаете ли вы, что если бы мнѣ предложили выбрать для символическія фигуры, которыя слѣдовало бы поставить на историческомъ перекресткѣ дорогъ, открывающихся передъ человѣчествомъ въ настоящее время — вы, конечно, были бы фигуры двухъ русскихъ: Бакунина и Пушкина.

Сейчасъ надъ міромъ господствуетъ духъ Бакунина. Опытъ Россіи показалъ, что Марксъ, со всей присущей ему агитаціонной силой, есть лишь предтеча Бакунина, ибо реальностью осуществляемаго соціализма является лишь разрушеніе всѣхъ элементовъ европейской культуры. И что же мы видимъ сейчасъ? Что это — проблема укоренія консервативнаго міропониманія. И все же мы можемъ, подъ этимъ угломъ зрѣнія, предпочесть Пушкину, этому художественному воплощенію свободолюбія, религіозно-просвѣтленнаго консерватизма? Пріобщеніе Пушкина къ міровой культурѣ было бы актомъ спасительнаго переливанія крови въ ослабѣвающій организмъ.

И это пріобщеніе пушкинскаго начала къ міровой культурѣ есть то, что знаменуетъ собой утѣшеніе Бунина. Это увѣченіе есть признакъ роста въ мірѣ есть побѣда этого сознанія. Это выигранное сраженіе на міровомъ фронтѣ борьбы за культуру.

А, господа, не забудьте, что судьба нашей родины есть судьба одного изъ участковъ этого фронта! Поэтому я и говорю, что вѣренъ нашъ инстинктъ, когда онъ воспринимаетъ успѣхъ Бунина, какъ предпосылъ успѣхи грядущихъ временъ. Художникъ Бунинъ, какъ бы говоритъ міру:

— Вотъ, смотрите, такой была Россія въ ея незыблемой красотѣ. Мы ее потеряли. Всмотритесь въ окружающую васъ жизнь — и въ ней есть красота, берегите ее, берегите окружающій васъ бытъ. Помните — въ немъ содержится золотой вѣкъ, который можетъ уйти. Онъ существуетъ изъ очень простыхъ вещей: церковь, національное государство, семья, человѣческая свободная личность — вотъ изъ чего сложенъ этотъ бытъ. Это — цѣнность, которая строилась вѣками — храните ее, чтите ее.

Эти слова звучатъ пропѣсью — но для этого и нужно быть Пушкинымъ или Бакунинымъ, чтобы они стали образами, которые властно овладѣваютъ сознаніемъ. Красота и святость быта, исторически сложившагося въ Россіи — вѣдь если это поймутъ и почувствуютъ въ мірѣ, это — огромный шагъ впередъ, это — завоеваніе исполинское! Поскольку Бунинъ становится властителемъ думъ, онъ помогаетъ міру въ борьбѣ за его бытъ и за его правду, въ этомъ бытѣ заложенную, — но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ облегчаетъ и залогу спасенія Россіи. Изъ ада опять міромъ, и поэтому мы вправѣ не только сказать Бунину: слава ваша есть слава Россіи, но и нѣчто большее: успѣхъ вашъ есть побѣда на пути возстановленія Россіи!

К. Зайцевъ.

Le Gérant: Rene Goux.

Imprimerie «PARCAL», 12, rue Pascal, Paris (5).